

Ури Орлев
Остров
на
Птичьей
улице

Но ведь я... Я просто был как Робинзон Крузо

Annotation

«Остров на Птичьей улице» – история 11-летнего еврейского мальчика, оставшегося без семьи и скрывающегося в развалинах варшавского гетто во время Второй мировой войны. Отчасти биографическая, она написана в жанре увлекательной робинзонады, и сразу же после первой публикации в 1981 году получила самую престижную в Израиле награду в области детской литературы – премию Бернштейна.

«Остров на Птичьей улице» переведен на 17 языков, в том числе на шведский, португальский, корейский и японский, и отмечен литературными премиями США, Швеции, Германии и международной премией Януша Корчака.

Роман принес Ури Орлеву всемирное признание и вошел в ряды классики мировой детской и подростковой литературы и списки лучших книг о Второй мировой войне и Холокосте. В Израиле по этой книге была сделана радиопередача, а потом и телеспектакль, который имел огромный успех у израильских ребят. Кроме того, за книгу «Остров на Птичьей улице» Ури Орлев получил несколько литературных премий в разных странах – в Америке, Дании, Западной Германии.

1997 году был снят фильм «Остров на Птичьей улице».

Книга уже выходила на русском много лет назад, но не в самом удачном переводе. Теперь русский читатель может прочитать эту повесть в прекрасном переводе Лены Байбиковой.

5 причин прочитать:

- Это книга о Холокосте, написанная человеком, пережившим Холокост. Очень честная.
- История-победилка! Так интересно, что оторваться невозможно!

- Книжка вышла в Израиле в 1981 году и так полюбилась читателю, что автору, Ури Орлеву, дети до сих пор пишут письма.
 - Идеальное чтение на возраст 10+.
 - Нежные иллюстрации известного художника Ани Леоновой помогут читателю глубже погрузиться в происходящее.
-

- [Ури Орлев](#)

-
- [Воспоминания многих, таких разных людей](#)
- [1. Папин секрет](#)
- [2. Снежок и притча о дереве](#)
- [3. Нас поймали. У старого Баруха есть план](#)
- [Конец ознакомительного фрагмента.](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
-

Ури Орлев

Остров на Птичьей улице

The Island On Bird Street – Copyright © Uri Orlev, 1931
This edition published by arrangement with The Deborah
Harris Agency and Synopsis Literary Agency.

Перевод с иврита Елены Байбиковой
Иллюстрации Ани Леоновой

© Елена Байбикова, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

Воспоминания многих, таких разных людей

Предисловие автора, написанное к 30-летней годовщине первой публикации «Острова на Птичьей улице»

Книги невозможно сравнивать с детьми. Но всё-таки они чем-то похожи. Например, тем, что прощаются с тобой, отправляются в путь – долгий ли, короткий ли – и с этого момента не перестают тебя удивлять. И хотя книги остаются такими же, какими ты их написал, – не вырастают и не меняются, – но постепенно вокруг них создаётся аура мыслей и чувств, и они превращаются в воспоминания многих, таких разных, неизвестных тебе людей. Книги начинают говорить на множестве удивительных языков и поселяются в сердцах девочек и мальчиков, которые растут, взрослеют, становятся мамами и папами.

Бывает, что служащая в банке или продавец в магазине, выписав квитанцию на моё имя, вдруг неуверенно спрашивает: «Скажите, это вы написали „Остров на Птичьей улице“? У меня была в детстве эта книга, а сейчас её читает мой сын...»

Бывает, что компания детей на улице, заведя меня, прекращает игру и, после недолгого перешёптывания, самый смелый подходит и спрашивает: «Вы Ури Орлев?»

А ещё бывает, что на меня показывают пальцем и хихикают: «Вон Эйнштейн пошёл!» И тогда я говорю своей жене: «Дорогая, самое время меня подстричь».

Ури Орлев

Иерусалим, 2011

1. Папин секрет

1. ПАПИН СЕКРЕТ

Я проснулся. Папа сидел на полу. Рядом с ним горела свеча. Я совсем не выспался и не досмотрел сон, который мне снился. Зевнув, я хотел заснуть обратно и попробовать узнать, чем там в моём сне всё закончится. Иногда такое получается, если не просыпаешься до конца. Мама говорила, что так бывает, главное – не смотреть в окно. Сейчас окно было плотно занавешено, потому что светомаскировка, да и на улице была темень.

Но я почему-то забеспокоился. Что папа делает на полу? Он возился с какими-то железками. Я слышал, как они позвякивают. Папа протирал их и внимательно осматривал. И тут он заметил, что я сел в кровати. В первый момент он прикрыл эти железки ладонями, будто хотел утаить от меня какой-то секрет. Но я сразу увидел, что там у него. Я успел разглядеть рукоятку и спусковой крючок. У папы есть пистолет! Я окончательно проснулся. Неужели он собирается убивать немцев?

Мама не вернулась. Она пошла в другой район, гетто алеф^[1], проводить товарищей из сионистской организации^[2] и больше не вернулась. Это было неделю назад. Или десять дней – я не считал. Считать было слишком грустно. Сначала мы думали, что её забрали для работ где-то поблизости. Потом – что её отправили на несколько дней куда-то далеко. В конце концов мы начали подозревать, что её увезли в Германию. Но людей, получавших оттуда письма через Красный Крест, было очень мало, и никто даже не знал наверняка, написаны эти письма по-настоящему или под диктовку.

Папа несколько секунд смотрел на меня, а потом убрал ладони, которыми пытался закрыть детали разобранного пистолета. Я уже было открыл рот, чтобы задать вопрос, но он приложил палец к губам. Может быть, из-за Гринов, которые спали в соседней комнате, – у нас с ними была общая квартира на две семьи. Я слез с кровати, подошёл и уселся на полу поближе к свече.

– Это настоящий пистолет? – спросил я шёпотом.

– Да, – ответил папа и улыбнулся.

Конечно, я и так это понял. Просто поверить было очень трудно. Я не слышал, чтобы хоть у кого-нибудь из наших соседей был пистолет. И вообще, если в гетто у кого-нибудь и был пистолет, то таких людей – по пальцам одной руки пересчитать. Всего, может, двое или трое. По правде говоря, я ничего про это не знал. Потому что такие вещи хранились в секрете, детям уж точно никто их не рассказывал.

– Что ты с ним делаешь?

– Чищу, смазываю, держу в боевой готовности на всякий случай.

– Ты будешь убивать немцев?

– Да, – сказал папа.

Мне стало страшно.

– Завтра?

– Нет, – сказал папа, – не волнуйся.

Папа не собирался открывать мне свой секрет и рассказывать о пистолете, хотя я всегда помогал ему во всём. И когда мы строили бункер с Гринами. И когда устраивали тайник – только для нас – из досок на чердаке. Не говоря уже обо всём том, что мы с ним чинили и делали дома. Но когда стало ясно, что его секрет больше не секрет, папа сразу перестал сомневаться и согласился показать мне, как эту штуку разбирать и собирать, как чистить и смазывать, чтобы всё работало идеально.

– Где ты научился?
– Когда-то давно я был солдатом, – ответил папа.
– Ты мне не рассказывал.
– Это был не самый лучший период в моей жизни, – сказал папа. – Правда, меня тогда быстро взяли в сборную по боксу, но другие евреи всякого там натерпелись, и мне было больно и обидно за них.

Пистолет у папы был итальянский, «беретта» с магазином на семь патронов. Папа вытащил их один за другим и объяснил мне, как они устроены.

– Я научу тебя стрелять из пистолета, – вдруг сказал он после некоторого молчания, будто ждал, пока решение созреет в нём окончательно.

И я научился. Если кто-нибудь разбудит меня посреди ночи и спросит, я смогу сразу, без запинки, сказать: итальянская «беретта», модель 1934 года, калибр 9 миллиметров, длина ствола 92 миллиметра, общая длина 149 миллиметров, вес 680 граммов.

После того раза мы с папой по ночам нередко сидели вдвоём на полу и я разбирал и собирал нашу «беретту», а папа показывал мне, как взводить курок, как снимать пистолет с предохранителя – всё по порядку. Ещё он учил меня целиться. Папа ложился напротив меня, держа в руках вырезанный из картона кружок, потом я целился в дырочку, которая была проделана в центре кружка, спускал курок и говорил: «Бум!» А папа в это время смотрел через эту дырочку, куда направлено дуло, и говорил, попал я или нет.

– Наступит день, – сказал папа, – и эти уроки, может быть, спасут тебе жизнь, Алекс. Кто знает, как и когда закончится эта война.

Он вздохнул. Война шла уже три года, и это была Вторая мировая война. Мой папа ещё не успел забыть Первую. Как-то раз он сказал, будто бы в шутку:

– А тебе, мой мальчик, посчастливится увидеть и Третью.

Я не понял, что на самом деле он хотел этим сказать: он надеется, что я доживу до тех времён? Или просто что эта война – не последняя? Я спросил его, и он объяснил, что, когда закончилась Первая мировая война, все думали, что она будет последней. Но вот уже опять идёт война. С той только разницей, что в Первую мировую не убивали евреев. Ну, то есть их не убивали только за то, что они евреи. Тогда они служили в армиях разных стран и воевали в разных местах по всему миру, и их убивали на войне точно так же, как убивали других солдат. И, может быть, евреи даже убивали друг друга. Кто знает. У родителей моего папы, то есть у моих бабушки и дедушки, в ту войну дома жили немецкие офицеры, и они никому ничего плохого не сделали. Так странно об этом думать. Они просто забрали у бабушки с дедушкой все дверные ручки из меди и другие медные штуки, чтобы потом отлить из них пушки. А один из этих офицеров даже ухаживал за тётей Луней. Бабушка ужасно сердилась. Как так вышло, что раньше они были людьми, а теперь?.. Папа не мог это объяснить. Может быть, поэтому никто вначале не хотел верить, что немцы действительно отправляют евреев на работы в лагеря и уничтожают их.

Мы с папой жили в общежитии для работников верёвочной фабрики, которая производила верёвки и канаты для немецкой армии. Папа каждый день вставал с рассветом и шёл на работу. Я прятался на чердаке, а иногда папа прятал меня внизу, в бункере. Это зависело от того, какие слухи ходили по гетто. А иногда через крыши и тайные дыры в стенах квартир папа проводил меня на территорию фабрики и оставлял внизу, на складе. Тогда мне было не так скучно, и к тому же папа был совсем рядом. Барух-кладовщик учил меня вязать узлы из веревок и говорил со мной обо всём на свете. Я уверен, что старый Барух был такой же мудрый, как

царь Соломон. Но даже ему я ни словечка не сказал про пистолет. Ведь я поклялся папе, что буду молчать.

Я не знал, но, оказывается, пистолет был всегда с папой. Папа под одеждой приладил на плечо ремень с кобурой и носил пистолет под мышкой, не снимая. Ночью – клал его под подушку. Папа не боялся, что немцы найдут у него пистолет. Ни одному немцу не могло прийти в голову, что у кого-то из евреев – хоть на фабрике, хоть на улице – может быть огнестрельное оружие. Они никогда никого не обыскивали, даже если собирали людей на площади для отправки в Германию, то есть в трудовые лагеря.

Старый Барух кипятил воду в маленьком электрическом чайнике, заваривал чай и следил за складом. Он записывал, сколько коробок с верёвками поступило на склад и сколько выдано со склада. Приезжала машина с немецким солдатом, и двое работников фабрики начинали грузить в неё коробки. Когда с машиной приезжал светловолосый немец, он угощал Баруха сигаретой. Но Барух никогда не предлагал ему чай. Когда приезжал рыжий немец, он орал на Баруха и заставлял его таскать коробки вместе с работниками. Ещё он иногда пинал Баруха. После того как машина наконец уезжала, старик утирал пот с лица и со вздохом опускался на стул. Затем ощупывал левую голень с внутренней стороны, примерно там, где кончался сапог, и бормотал что-то себе под нос.

Однажды я спросил его:

– У вас болит нога?

Он странно посмотрел на меня и, немного подумав, закатал штанину. Я увидел большой кухонный нож с широким лезвием – он был заткнут за голенище.

– Придёт день, и как минимум один немец ответит старому Баруху за всё.

– А у нас... – сказал я и прикусил язык. Ну надо же, чуть не проболтался! – ...у нас нет такого ножа. А мне бы

так хотелось иметь такой же! – нашёлся я, как закончить.

– Мал ты ещё для этого, – сказал Барух. – Но, я уверен, когда подрастёшь, будешь знать, что и как делать.

Убить немца было не так уж просто. Но вообще-то и не так уж сложно. Потому что ни один немец не мог даже предположить, что здесь, в гетто, его жизни угрожает хоть какая-то опасность. У немца, который приходил на склад, был пистолет в закрытой кобуре на поясе. Но пока бы он расстегнул кобуру и достал пистолет, Барух три раза успел бы его зарезать. Воткнул бы нож ему в спину, например, – и всё. Хотя это, конечно, не по-джентльменски. Но папа сказал, что в отношении немцев джентльменские правила не действуют. Хотя бы потому, что немцы сами постоянно их нарушают.

Но точно так же, как и Барух, папа не мог использовать пистолет. Только всё говорил, что когда-нибудь наступит день... Почему? Потому что если бы папа уложил из пистолета немца – на фабрике или на улице, – то другие немцы сразу бы убили большое количество народу – и женщин, и детей, всех без разбору, – просто чтобы запугать, чтобы никому не пришло в голову впредь делать что-то подобное. Это называется «акция устрашения». Вот никто ничего и не предпринимал – кому хочется брать на себя ответственность за жизни стольких людей лишь потому, что тебе приспичило убить одного жалкого немца?

Папа сказал:

– Мы не знаем точно, правда ли, что всех, кого отсюда увезли, немцы убили в лагерях.

А Барух сказал:

– Уже знаем. Я сам говорил с парнем, который сбежал оттуда. Я же тебе рассказывал.

Папа вздохнул. Ему хотелось верить, что мама ещё вернётся.

– Если ты так уверен, то почему ничего не предпринимаешь, а, Барух?

Отвечая на папин вопрос, Барух мне подмигнул:

– Потому что мне отведена важная роль. Я охраняю твоего сына.

Папа отправился работать. А мы с Барухом продолжили разговор.

Часто темой наших разговоров был Гитлер. Барух ни разу в жизни его не видел, зато читал много книг. В том числе книгу, которую написал сам Гитлер.

– Возьми, к примеру, Наполеона, – объяснял мне Барух. – Во время войн, которые он вёл, тоже погибло огромное количество народу. Люди мёрли от голода, от болезней. Но Гитлер – он строит фабрики уничтожения. Бойни, где людей хладнокровно убивают, как скот. Разница – огромная.

Сколько мы ни говорили про Гитлера, сколько я ни выслушивал его объяснения, Барух всегда заканчивал разговор одними и теми же словами: «Именно поэтому Гитлер проиграет войну, и его убьют как собаку, и страну его разрушат до основания, а имя его будет проклято на веки вечные».

Папа один раз сказал:

– Надо стереть память о нём, вычеркнуть его из истории.

– Нет, – возразил тогда Барух, – такие вещи нужно помнить, чтобы другие народы усвоили урок и понимали, что может произойти, если поставить во главе государства безумца. Чтобы другие народы знали, что в некоторых ситуациях даже детям может понадобиться умение обращаться с оружием.

Я незаметно посмотрел на папу.

Если бы мы с ним были рядом с мамой в тот день, то никто бы её никуда не забрал. Это точно. Даже если бы

после этого немцы поубивали кучу людей.

2. Снежок и притча о дереве

2. СНЕЖОК И ПРИТЧА О ДЕРЕВЕ

У меня был белый мышонок. Он единственный не умер из тех белых мышей, которых я держал дома. Дома – не в смысле до войны, а в гетто, там, где мы жили до того, как людей начали забирать и высылать.

Некоторые люди ненавидят мышей. Некоторые до смерти их боятся. Но держать дома мышь – это почти то же самое, что держать дома собаку, кошку или попугая. С той только разницей, что мышь маленькая, ест мало, и если знать, как за ней ухаживать, то никаких особых хлопот она не доставляет. Кстати, старый Барух признался мне, что терпеть не может мышей. Признался он не сразу. Сначала просто сказал, что мне не стоит брать мышонка с собой, когда я прячусь у него на складе. «Он убежит, и ты его среди всех этих тюков и коробок не найдёшь». Так он сказал. А я ответил, что мышонок прибегает ко мне на свист.

– Хотите, покажу?

– Не надо, не надо! – Было видно, что Барух испугался. Очень странно, ведь немцев он не боялся.

Потом Барух сказал мне, что серые мыши убьют моего белого мышонка. Но я ни разу не видел на складе серых мышей. Барух сказал, что они прячутся в дырах в полу.

– Зачем им вообще его убивать?

– Потому что он белый.

– Так, может, наоборот, они как раз подружатся.

– Ну, тогда ты всё равно его больше не увидишь. Он найдёт себе самку и к тебе не вернётся.

– Так, может, он сам – самка.

– Значит, найдёт самца!

В общем, я не брал мышонка с собой на склад. Оставлял его в квартире. Я назвал его Снежок. Утром, если я уходил с папой, то объяснял Снежку, что сейчас уйду, а вернусь поздно вечером. Ну, чтобы он не

беспокоился. Папе было смешно, что я говорю с мышонком. Но я сказал:

– Вы с мамой тоже всегда разговаривали с Рексом.

Рекс был нашей собакой, он переехал вместе с нами в гетто и умер здесь от старости.

После этого папа больше не посмеивался надо мной из-за Снежка. Тем более что Снежок был не просто мышонком, а очень умным мышонком. Между прочим, он один выжил, когда все остальные мыши чем-то заболели и умерли. Правда, папа говорит, что дело не в уме, а в иммунитете. Но в любом случае Снежок всегда вёл себя немного не так, как другие мыши. Я это заметил почти сразу, ещё до того, как он остался в клетке одинёшенек.

Я не знаю, что бы я делал без него целыми днями, когда прятался в нашем укрытии на чердаке или в бункере. Сколько можно читать? К тому же папа далеко не всегда находил и приносил мне новые книги. Если книга хорошая, то её можно прочитать два раза или три. Например, «Робинзона Крузо». Или «Короля Матиуша Первого». Но читать каждый день с утра до вечера невозможно. Вот я и играл со Снежком. К примеру, я сначала прятал куда-нибудь его еду, а потом отправлял его на поиски. Он быстро понял, что игра начинается с условного свиста. Стоило мне свистнуть, Снежок тут же начинал бегать туда-сюда и принюхиваться. И в конце концов он находил своё угощение. Почти всегда. И не ленился играть в эту игру сколько угодно, раз за разом, пока мне не надоедало прятать. Он зарывался в тряпки, залезал под подушки... На самом деле, когда я с ним говорил, я обращался не совсем к нему. Разумеется, я знал, что он не понимает моих слов, хотя он обычно слушал меня очень внимательно. Просто разговаривать с ним было как-то приятнее, чем разговаривать с самим собой, будто я сумасшедший. «Война скоро закончится – говорил я Снежку. – Я куплю тебе новую красивую

клетку. И принесу из магазина новых друзей – и самцов, и самок». Я ведь не знал, девочка он или мальчик. На вид сложно определить. Папа тоже понятия не имел, как это устроено у мышей.

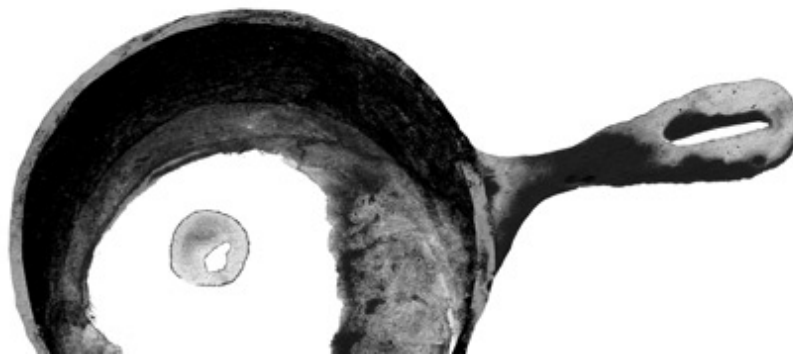
Целый день я должен был сидеть в укрытии, мне нельзя было выходить до тех пор, пока не возвращался папа и не подавал мне знак. А если вдруг он не вернулся бы ни вечером, ни ночью, ни на следующий день, мне всё равно надо было оставаться в укрытии. Этого ещё ни разу не произошло, но на всякий случай у меня с собой всегда был запас еды на несколько дней и вода в бутылках. В туалет мне тоже нельзя было выходить, вместо туалета в укрытии была специальная посуда. Папа пообещал мне, что если, не дай бог, с ним что-то случится, то кто-нибудь обязательно придёт и заберёт меня. Например, старый Барух. Но об этом мне думать не хотелось.

Вообще, я не очень за папу беспокоился. Папа был большой и сильный. В молодости он серьёзно занимался боксом. Думаю, что на фабрике он точно был самый сильный. К тому же у него был пистолет. А ещё папа был красивый. Ведь мама не просто так вышла за него замуж. Вечером, когда он возвращался с работы и свистел мне нашим секретным свистом, я напрыгивал на него и обнимал крепко-крепко. Как будто я весь день всё-таки беспокоился за него, просто не хотел себе в этом признаваться. Папа подбрасывал меня в воздух, хотя я уже был тяжёлый, не какой-нибудь там карапуз, а потом целовал меня.

После работы папа отдыхал, а я готовил нам ужин. Если кто-то думает, что мальчики не умеют готовить или что готовить еду – это стыдно, тот просто дурак. И ещё, так мне сказал старый Барух, самые лучшие повара в мире – мужчины. А я рассказал ему, что делаю папе чай, жарю яичницу и варю картошку.

- Пригласи меня как-нибудь на ужин, - попросил Барух.

И я пригласил. А он взял и пришёл. И принёс колбасу и хлеб. Другой хлеб, не такой, как давали на фабрике. Я сделал чай и сварил картошку. Яиц в тот день у нас не было, и я не мог показать ему, как здорово я подбрасываю яичницу - так, что она сама переворачивается в воздухе. Но он поверил, что я умею. Папа подтвердил. Вот только мы с папой не стали сажать на стол Снежка, как делали обычно. И он пищал там, в своей коробочке, и мне было его немного жалко. Но ведь нам надо было прежде всего думать о госте.

После ужина папа и Барух заговорили о войне. Они разложили на столе большую карту и начали спорить, потому что на русском фронте немцев уже настигала расплата за эту войну. Папа с Барухом тыкали в карту пальцами и делали какие-то пометки карандашом. Потом они сели играть в шахматы, но оба уже так устали, что закончили игру, согласившись на ничью. Вот и хорошо. По крайней мере, мне не надо было расстраиваться ни за кого из них. Когда они играли по субботам, то с ними просто невозможно было разговаривать, настолько каждый хотел победить - будто это были не шахматы, а настоящий бой. Я и сам точно так же любил выигрывать, например, когда мы с

папой играли в карты. И, если проигрывал, ужасно сердился.

Вечерами, если у папы оставались силы после работы, он садился у моей кровати и мы разговаривали. Совсем как раньше, когда я был маленьким.

Я помню, что очень давно, когда я был гораздо младше, чем сейчас, у нас с папой вышла большая ссора. Это получилось не специально. Кажется, мы говорили о нём и о маме или что-то в этом роде. И вдруг папа меня спросил: как я думаю, каким бы я родился, если бы он женился на другой женщине? Я сказал, что, наверное, я бы был немножко другим, потому что с мамой у меня был бы другой папа, а с папой – другая мама. Я даже не заметил в первый момент, что говорю о двух разных детях, каждый из которых как бы моя половинка. Я просто даже не понял, что так не бывает. Но постепенно до меня дошло, что папа хочет сказать, что я бы вообще не появился на свет. Если бы они с мамой не встретились и если бы я не родился ровно тогда, когда я родился, меня бы просто не было. И тогда мы с папой поссорились. И потом я ещё долго не хотел разговаривать с ним по вечерам, пока он не пообещал мне, что больше мы не будем об этом говорить.

Сегодня я уже не сержусь. Но я всё так же не могу ничего объяснить и доказать. Наверное, это вообще невозможно. И при этом, что бы папа ни говорил, я точно знаю, что я бы всё равно родился. У меня, наверное, были бы другие родители и другая внешность, но это был бы именно я, я сам. Может быть, это случилось бы не сейчас. В другое время. Скажем, после войны. Было бы неплохо родиться, когда всё это уже закончится.

В какой-то момент в наш спор вмешалась мама и сказала, что я мог бы даже родиться девочкой. И я с ней согласился: ведь и правда мог бы. Моей идее это не противоречило. Просто было немного смешно об этом думать. Папа сказал, что тогда меня звали бы не

Александр, а Александра. Но меня-то все зовут Алекс. И вряд ли бы меня-девочку могли назвать Алексой. Это очень смешное имя.

Мама в этом споре была на моей стороне. Она сказала папе, что он вредничает и пристаёт. Она сказала, что если я так чувствую, то, значит, так и есть. Потому что никто не может доказать обратное. И если папа чувствует, как он чувствует, то он тоже прав. Потому что, вообще, это то, о чём бессмысленно спорить. Можно просто рассказать о своих чувствах, вот и всё.

Может быть, именно поэтому я был на стороне мамы и её сионизма, хотя папа в этом был с ней не согласен. До войны он отказался ехать в Палестину. В нашем городе папа чувствовал себя дома. А мама – нет.

– Ты слишком мнительная, – говорил он ей. – Стоит кому-то поморщиться, и ты сразу принимаешь это на свой счёт. Ну и что, что ты еврейка? Тут есть и протестанты, и лютеране, и мусульмане.

Мама в ответ говорила, что это не то же самое. И потом они долго спорили и ссорились. Даже тогда, когда это уже было неважно, потому что никто и никуда уже не мог уехать.

Я не помню в точности маминых слов, к тому же для меня этот бесконечный, непрекращающийся спор был слишком сложным. Иногда они спорили всерьёз, а иногда как будто в шутку. Например, папа говорил:

– Кто такой сионист? Это еврей-толстосум, который посылает еврея-бедняка в Палестину.

В первый раз даже маме было смешно. А я не понял, что смешного, и им пришлось мне объяснять. Но потом каждый раз, когда папа повторял эту свою шутку, мама сердилась.

Папа всегда говорил, что все мы – люди, независимо от того, какого цвета у нас кожа, какой формы нос и в каких богов мы верим. Значит, и правда – какая разница,

где жить, здесь или в Гонолулу? Мне казалось, что папа прав. Но вот мама... Она вздыхала и говорила:

– Как бы мне хотелось, чтобы и впрямь всё было так.

Я очень хорошо запомнил ещё кое-что, что я слышал от мамы. Это была притча о дереве.

«Неважно, кем ты родился, – говорила мама, – китаец, индейцем или чернокожим. Но когда ты уже родился, ты не можешь отречься от своих корней.

Если обрубить корни, дерево погибнет. Люди не деревья, они не гибнут, когда отрекаются от своей истории и культуры. Но они не могут стать самими собой, не могут найти своё призвание. И тогда они проживают свою жизнь грустными, надломленными, искорёженными, и такими же вырастают их дети».

Папа с ней не соглашался. Он говорил, что два-три поколения – и всё уже забывается. Но он признавал, что еврейская культура имеет очень глубокие корни, уходящие в глубь не двух-трёх, а многих и многих поколений. Даже если кто-то крестился... Может, папа тоже хотел креститься? Не думаю. С его точки зрения, это был бы трусливый поступок, а папа никогда не был трусом. Мама же хотела уехать в Палестину из-за того, что всё время чувствовала: польское общество готово заставить её отречься от корней, отречься от собственной культуры.

Тогда я был за маму просто потому, что она всегда была за меня. Я не знал, права она или нет. Но теперь я знаю, что правда была на её стороне.

3. Нас поймали. У старого Баруха есть план

Всё произошло внезапно. Никто не был к этому готов. По гетто не ходило никаких слухов, и ни от одного из польских начальников на фабрике – ни намёка, ни даже полнамёка. Может, они и сами ничего не знали. Утром все, как обычно, пришли на работу. В тот день я прятался у старого Баруха на складе. Снежок остался дома. К счастью, я не закрыл до конца его коробочку. Если его закрывали в коробке на целый день, он начинал плакать. Папа успокоил меня, что у нас дома всё надёжно задраено и Снежок не сможет выбежать наружу.

– А если он прогрызёт где-нибудь в стене дырку?

– До нашего возвращения не успеет.

Ещё до того, как полякам приказали покинуть фабрику, здание окружили. Как всегда, полицаи из поляков и евреев и немецкие солдаты. И несколько человек в чёрной форме: не то украинцы, не то литовцы, я не умел их различать.

Все забегали. Сразу же выяснилось, что не только меня прятали на фабрике в рабочее время. Были здесь и другие дети. Никто не знал, что делать. Попытаться сбежать? Достаточно было выглянуть в окно, чтобы понять, что это невозможно. Но существовали секретные проходы через проломы в стенах, из квартиры в квартиру, по крышам... Пока мы обдумывали возможность побега, чтобы добраться до нашего дома и спрятаться там, на чердаке или в бункере, снаружи раздалось несколько выстрелов. Кто-то донёс. Кто-то оповестил их о секретном проходе. По кому они сейчас стреляли? Как хорошо, что я был здесь с папой, а не остался дома в укрытии. Честно говоря, больше всего я боялся именно этого – что папу заберут, а я так и буду сидеть один-одинёшенек на чердаке или внизу, в бункере. Ну конечно, папа пообещал мне, что вернётся через пару-тройку дней, я уже говорил об этом. Но что, если он не сможет вернуться? Ведь мама в тот день тоже сказала, что вернётся...

Папа вбежал на склад.

– Селекция, – сообщил он нам.

Я знал, что означает это слово. Оно означало, что всех собирают в одном месте, например во дворе, а потом люди начинают по одному выходить через ворота. А за воротами стоят немцы-военные и хозяева фабрики – немец и поляк. И полицаи. И те, кто за воротами, смотрят на тех, кто выходит, и решают, кто останется здесь, а кого отсюда отправят... У детей и стариков не было никаких шансов остаться. Да и у молодых, кто с детьми, тоже.

Барух сразу сказал, что он никуда не пойдёт. Сказал, что спрячется, а потом ему дадут «по протекции» удостоверение и номер работника. Барух был хорошо знаком с хозяином-поляком, потому что до войны он был на фабрике начальником отдела. Вот почему теперь он работал на складе, и вот откуда у него было разрешение на работу – его «право на жизнь».

Иногда, когда я часами лежал один в укрытии, я думал о тех людях, которые могут даровать другим право на жизнь. Вот что, если бы я был таким? Тогда, скажем, право остаться в живых было бы только у тех, у кого есть небольшая щель между передними зубами. Потому что у меня такая есть. Но ведь у папы и у Баруха её нет. Значит, нужно что-то другое. Например, можно дать право на жизнь только тем, у кого голубые глаза. Но при этом я ещё могу выбрать трёх человек с карими глазами и спасти их. Я бы выбрал маму. У папы и так с цветом глаз всё в порядке. И Баруха я бы, конечно, тоже спас. И вот все кареглазые люди проходили бы передо мной, и в конце концов я бы взял третьим маленького Йоси. Потому что он самый хороший из семейства наших соседей Гринов. Хотя это ужасно глупо. Ну как я мог выбрать только Йоси? Что, я взял бы этого малыша и оставил его без семьи?.. И тогда я увеличивал количество кареглазых, которых могу спасти, до десяти человек. Так я лежал и думал, думал, пока окончательно от всех этих мыслей не расстраивался. А может, я расстраивался от того, что папа так долго не возвращался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Алеф – первая буква еврейского алфавита. Числовое значение – 1. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Во многих гетто действовали разные нелегальные организации: коммунистические, антифашистские и в том числе сионистские – то есть такие, которые поддерживали идею создания еврейского государства в Палестине и последующего переселения туда евреев со всего мира.